

НОВЫЕ КНИГИ

С. Ю. Барсукова

Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом

Рецензия на книгу: Волков В. В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

БАРСУКОВА

Светлана

Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: svbars@mail.ru

Пролог

До июля 2011 г. никто в России не знал о существовании уральской деревушки Сагры. Кроме там живущих. Потом Сагра прославилась. Жители устали от внимания журналистов. Правоохранительные органы нервно курят, услышав это название. Что же там произошло? Ничего особенного, бои местного значения. «Пьяная драка», как было доложено прокурору области.

Дело было так: цыгане в деревне всех достали — воровали, приторговывали наркотой, — на что им было указано местными жителями. Неполиткорректные, однако, мужики на Урале. Обидевшаяся цыганка позвонила брату на зону, и тот прямо с нар (!) вызвал из Екатеринбурга отряд отморожков для устрашения Сагры. Колонну из 15 машин не остановил ни один гаишник. Полсотни отморожков как спортивно-славянской, так и неспортивно-азербайджанской внешности ночью прибыли в Сагру. Завязалась перестрелка, один бандит был убит, остальные разбежались, не зная, что у мужиков из Сагры было всего три ствола и чуток патронов. Хотя нет, ещё — вилы, топор. Слышится голос Левитана: «Несмотря на превосходящие силы противника...» Мороз по коже и гордость за уральских мужиков.

Не будем утяжелять рассказ подробностями. Они сплошь о доблестной милиции. Типа того, что арестовали сначала как раз жителей Сагры и довольно навязчиво предлагали взять на себя убийство бандита, обещая за это «хорошую камеру», тем самым благородно спасая от мести подельников. Через месяц журналистской шумихи Сагре повезло. Дело взяли на заметку на высоком уровне. Сагринских мужиков отпустили. Начались аресты членов банды, что было необременительно, так как многие к тому времени уже уехали на историческую родину. Справедливость в обрамлении постановлений и протоколов обязательно восторжествует. По крайней мере, общественности доложат об этом.

Мне эта история не даёт покоя. Перестрелка в ночи, бандиты, вялая милиция... Визитная карточка 1990-х. Это всё уже было! Где качественная разница с нашими днями? В поисках ответа перечитала лучшую книгу об этом «было». Фактически всё нижеизложенное — моя интерпретация и структурирование идей В. Волкова.

Государство и бандиты: теоретический аспект

Прежде всего, давайте обрисует теоретические рамки анализа. Вслед за В. Волковым мы говорим не о насилии вообще, а исключительно *о роли силовых структур в экономических процессах*, то есть нас интересует не любой носитель физического насилия, а только тот, действия которого играют роль в функционировании экономики. Таковыми могут быть как государственные, так и частные структуры, которые, в свою очередь, делятся на легальные и нелегальные.

Что объединяет государство и бандита? То, что это разные формы одного феномена — *силового предпринимательства, суть которого в превращении организованной силы в источник постоянного дохода путём установления контроля над экономическими агентами*. Грабитель таковым не является по причине отсутствия долговременных экономических отношений с жертвой.

Само сравнение государства и бандита многим кажется кощунственным. Между тем бандит — это частный нелегальный силовой предприниматель. И его роль в становлении российского капитализма трудно переоценить.

Для понимания роли силовых предпринимателей принципиальны несколько утверждений.

Первое: общественные отношения строятся на базе трёх ресурсов — сила, деньги и *слово*. Именно физическое насилие, экономические ресурсы и способность наделять действия неким смыслом образуют ткань общества. Различаются общества лишь формами реализации этих ресурсов, механизмами их конвертации и принципами распределения между социальными группами. В этой триаде физическому насилию принадлежит ключевая роль. Но если по отношению к воображаемому обществу дикого варварства приоритет силы не вызывает сомнений, то в современных обществах грубая физическая сила представляется реликтовым явлением. Рынок воспеваётся как антитеза насилию и принуждению. Добровольность рыночных взаимодействий эгоистично ориентированных людей — вот фасад современных обществ. И это самое большое заблуждение, мешающее понять механизм рыночного обмена.

Дело в том, что простая задачка про то, как «Джон продал Биллу несколько бушелей пшеницы», не имеет решения, если упразднить фоновое знание этих джентльменов о безопасности сделки, то есть о защите их сделки законами. Любыми. Писаными или неписаными. За соблюдением которых следит полиция или мафия. Добровольность сделки строится на знании, что если весы шулерские, а деньги фальшивые, то обманщика накажут, что есть сила, принуждающая соблюдать условия сделки. Именно сила принуждения конституирует правило. Принуждение как потенциальное насилие, применимое к нарушителям правил, держит на себе всю декорацию свободных рыночных отношений. И даже библейское «Не укради» опирается на неотвратимость наказания после смерти.

Если верить Дж. Лондону, то в годы золотой лихорадки старатели не хотели тратить время и силы на строительство тюрем, но контингент был ещё тот и всякое случалось. Нарушителей правил, здесь и сейчас установленных, сажали в лодку и отправляли вниз по Юкону¹. Тяжесть преступления измерялась числом дней, обеспеченных провизией. Мелкому воришке полагалось продуктов на две недели пути. Убийце не давали продовольствия совсем. Это была самоорганизация людей, не имеющих возможности опереться на правоохранительную систему своей страны, но и не способных жить вне законов. И не потому, что уважение к законам было у них в крови, скорее, народ там был иного замеса. Но они приехали на Север, чтобы разбогатеть, и потому жёстко и лаконично сбили каркас правил,

¹ См. рассказ Дж. Лондона «Исчезновение Маркуса О'Брайена». Кстати, писатель верил, что уважение к закону — в крови некоторых народов. В рассказе «Неожиданное» носителем истового, почти религиозного чувства к закону выступает англичанка, в годы золотой лихорадки казнившая преступника в глухом местечке с соблюдением всех законных формальностей.

гарантирующих права собственности. Ведь институт собственности существует только в виде свода правил, которые ничего не стоят, если нет неотвратимости наказаний за их нарушение.

Второе: *под вывеской борьбы с преступными сообществами государство вытесняет конкурентов.* Ведь с функциональной точки зрения государство и преступные сообщества — коллеги, так как производят блага одного рода, а именно посредством силового ресурса обеспечивают поддержание правил взаимодействия. Соотношение цены и качества этой услуги влияет на выбор потребителя: если сицилийская мафия эффективнее, чем полиция, возвращала украденный скот, то крестьяне более охотно платили дань мафиози, чем налоги государству. К тому же мафия позиционировала себя как защитника местных обычаев, что способствовало её легитимности. Отсюда двумя принципиальными стратегиями борьбы с бандитами являются или их физическое уничтожение, или экономическое разорение, когда потребители силовых услуг ногами проголосуют за государство как единственного надёжного гаранта хозяйственной жизни.

Но должна огорчить читателя: государство никогда не одержит полную победу над бандитами. И не потому, что цена этой победы может быть больше потенциального выигрыша. Дело в том, что *государство не может устанавливать и обеспечивать правила в той зоне экономики, которую не признает законной.* Тем самым отдаёт эту экономическую реальность под опеку альтернативных силовых организаций. Если наркобизнес или проституция не легализованы, то на этих рынках функциональным аналогом государства неизбежно будут преступные сообщества. Криминальная специфика не отменяет потребность этих рынков в физическом принуждении к поддержанию правил. При наличии функционального запроса желающие и способные его удовлетворить всегда найдутся. «Сухой закон» в США стал «золотым веком» американской мафии, поскольку подпольное бутлегерство нуждалось в силовом ресурсе для регулирования экономических процессов и погашения неизбежно возникающих конфликтов. Криминальный бизнес при всём желании не может платить налоги государству, но платит дань бандитам, что с точки зрения покупаемых услуг одно и то же. Для криминального бизнеса сообщество бандитов является безальтернативным силовым партнёром, своего рода теневым правительством, устанавливающим нормы поведения на этом рынке.

Третье: государство — это не проект гениального ума, не планомерное организационное строительство во имя порядка. С исторической точки зрения *государство является финальной точкой конкурентной борьбы среди тех, кто пытается силой обеспечить себе регулярный доход.* Банд на землях вокруг озера Ильмень было множество, но банда викингов оказалась сильнейшей, поэтому история и сохранила имя её предводителя — Рюрика. Вряд ли он думал о государстве как проекте, когда вырезал конкурентов.

Государство — это состояние, когда в игре силовиков на выбывание остаётся только один участник. И тогда диктуемые им правила будут рано или поздно признаны людьми справедливыми и оправданными, то есть легитимными, поскольку сравнивать не с чем и выбирать не из кого. Время и регулярность насилия формируют привычку, блокирующую саму мысль о том, что государство и бандит — вовсе не разные сущности. Скорее, это разные точки единого континуума, количественные различия между которыми приводят к качественному отрыву государства от бандита. Как это ни шокирующе звучит, но любой бандит становится государством, если на определённой территории устранит конкурентов и станет монопольным распорядителем насилия, а также гарантирует защиту границ от нападения извне. *Государство — не цель движения практикующих силовиков, но логический предел их конкуренции и концентрации силового ресурса.* В классическом определении М. Вебера государство — это территориальная монополия легитимного насилия. Согласитесь, гениальность и лаконизм как-то взаимосвязаны.

Речь идёт о монополии не в том смысле, что государство все силовые функции замыкает на себя. Оно вполне может поделиться этими функциями с частными организациями, допуская создание, например, частной полиции или частных охранных агентств. Но их подконтрольность государству, деятельность в отведённых государством рамках свидетельствуют о сохранении государством монополии на насилие. Выход же из-под контроля, нерегулируемое развитие силовых структур свидетельствуют о разложении государства.

Но если любой закон есть производная функции насилия, то возникает вопрос: почему люди мирятся с насилием и даже воспевают его наиболее мягкие формы? Может быть, лучше жить вне законов?

«Жить вне законов» — пребывать в естественном состоянии, если пользоваться терминологией Т. Гоббса. Это означает, что ваша собственность является таковой до тех пор, пока у вас хватает сил её защищать от нападения окружающих. В этом случае каждый — защитник своего и захватчик чужого, включая жизнь. Нет ограничений методов борьбы, все средства хороши. Но индивидуальная защита — это дорого, неэффективно. Экономия на масштабе достигается, если передать право на защиту субъекту, специализирующемуся на физическом насилии. Наиболее эффективное решение проблемы — универсальный защитник, один на всех, что максимально расширяет зону предсказуемости. Это и есть государство. По Гоббсу, люди добровольно призывают чудовище, Левиафана, чтобы он остановил «войну всех против всех». Из страха смерти призывают. Потому что жизнь под чудовищем лучше, чем смерть от соседа. Так осуществляется переход от естественного состояния к гражданскому. Левиафан — это мифический образ государства. Единственное, в чем ошибался Гоббс: люди не призвали готового Левиафана, а сами слепили его, веками оттачивая формы взаимоотношения с теми, кто обладал преимуществом в использовании физической силы.

Бандит превращается в идеально-типическое государство, если поддерживает справедливость и гарантирует порядок, во-первых, для всех, а не для отдельных платёжеспособных клиентов, во-вторых, на основе формальных процедур, а не личных и переменчивых симпатий. Тогда неизбежно рождается коллективная иллюзия о государстве как о полезном покровителе, насилие которого оправданно его благими намерениями. Хотя намерения у него те же, что у любого бандита: за счёт силового ресурса организовать хозяйственный процесс так, чтобы обеспечить регулярный доход политической элите.

И наоборот, если представитель государства распоряжается силовым ресурсом как частным благом, допуская торг вокруг выносимых решений и практик правоприменения, то при сохранении символики и организационной формы государство вырождается в бандита.

Государство и бандиты: советская и постсоветская практика

Советский период (1960–1980-е годы)

Бандиты были всегда. По крайней мере, в СССР они точно были. Но давайте не путать их с бандитами, которые появились в конце 1980-х и стали визитной карточкой 1990-х годов.

Бандиты, осуществлявшие наезды на экономических агентов в советское время, были родом из криминального мира. И этот мир имел свою историю. Уголовники как реальная социальная группа со своими законами и иерархиями сформировались в 1930-е годы. Масштабность и жестокость репрессий привели к тому, что для многих тюрьма стала родным домом. Возникли социальные связи, чувство долга и ответственности перед этим сообществом, без помощи которого выживание невозможно. Уголовный мир как социальная организация возник в условиях сильного репрессивного государства, что принципиально отличает его от бандитов 1990-х как порождения слабого государства.

Силовое предпринимательство советского времени было крайне простым по форме — это было вымогательство под лозунгом «делиться надо». Понятное дело, делиться никто не хотел. Но выхода не было по той простой причине, что милицию жертвы наездов боялись больше, чем бандитов. От бандитов можно было откупиться, а обращение в милицию было чревато судебными разбирательствами по поводу источников доходов пострадавших. Дело в том, что бандиты преимущественно собирали дань с теневого советского предпринимателя, так называемых цеховиков. Их бизнес имел прямое отношение к тому, что называлось «хищение социалистической собственности», поскольку свободного рынка сырья и оборудования в стране не было. Величайшая конспиративность цеховиков была связана с тем, что они боялись и милиции, и бандитов. И неизвестно, кого больше. Единственное, что спасало и от людей в погонах, и от людей в наколках, — неформальные связи с советскими хозяйственниками, в тандеме с которыми цеховики строили свой теневой бизнес. Если уровень патроната был высокий, то бандитов отваживали: уголовники всегда помнили, что картотеки угрозыска хранят их имена. Но это касалось лишь верхушечной части подпольной советской экономики. Остальные её этажи были поделены между бандитами-уголовниками, как делянки, приносящие регулярный доход. Естественно, периодически карта перекраивалась, что означало смену силовых потенциалов разных банд, кровью рисующих новые границы своих владений.

Регулярность поборов служила ограничителем их размера. Грабитель, не планирующий повторной встречи с жертвой, пытается взять всё, что можно. Но бандит, получающий от теневика стабильный доход, вынужден усмирять свои аппетиты и не допускать разорения объекта. Это логики «кочевого» и «стационарного» бандитов, если пользоваться сравнительной метафорой М. Олсона.

В этом смысле Остап Бендер был простым грабителем, «кочевым» бандитом, разорившим бедного Корейко. Изящество ума товарища Бендера проявилось в обнаружении подпольного советского миллионера и расшифровке природы его миллионов. Говоря современным языком, он собрал на «золотого телёнка» компромат, который тянул на судебный вердикт. Запуганный миллионер предпочёл разорение.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов

В конце 1980-х годов характер и масштаб силового предпринимательства в корне изменились. Либерализация экономики набирает обороты, поначалу прячась за наиболее компромиссные с точки зрения сохранения социализма Закон об индивидуальной трудовой деятельности (1986 г.) и Закон о кооперации (1988 г.). Но систему было уже не спасти, и в 1990 г. принимают Закон о предприятии и предпринимательской деятельности. Это был правовой каркас для легального частного предпринимательства. Грубо сколоченный, с зияющими дырами, но с явным посылом: можно то, что раньше было запрещено. И многие советские граждане — кто добровольно, кто вынужденно — встали на этот путь. Но быстро выяснили, что ничего, кроме разрешительного характера, эти законы и обрамляющее их нормативное облако не несут (в том смысле, что не работают), а только подразумевают. Разложившееся государство не способно наладить эффективную систему защиты прав собственности и соблюдения контрактов. В том числе и потому, что существующие на тот момент государственные силовые структуры были негласно причислены к потенциальным противникам реформы, что отразилось на их ресурсном обеспечении и медийной травле.

В это же время на социальном горизонте возникают группы со специфическим отношением к насилию, являющемуся стержнем их повседневных навыков. Речь о спортсменах и воинах-афганцах. Спорт, по сути своей, есть игровая форма для канализации агрессии и соперничества, где физическая сила в её разных ипостасях — главный фактор победы. Особенно это касается спортивных единоборств, имеющих при социализме привкус заграничного и запрещённого, что способствовало их популярности. Дух борьбы запирается, как джинн, в бутылку спортивных правил. Но бутылка лопнула вместе с развалом

СССР, когда рухнула прежняя система финансирования спорта. Не менее плачевным было положение ветеранов афганской войны. После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. они не получили от общества ни материальной, ни моральной благодарности.

Спортсмены и ветераны-афганцы, как и все остальные «дорогие россияне», пытались адаптироваться к новым условиям. Но формы и результативность адаптации зависят прежде всего от адекватности имеющихся ресурсов запросам среды. Специфический ресурсный потенциал этих групп был мобилизован социально-экономической ситуацией. Спортсмены и афганцы умели лучше других физически подавлять, терпеть боль, обращаться с оружием. Но главное — это их лояльное отношение к насилию, моральное превосходство над теми, кто не способен себя защитить. Эти способности легко конвертировались в деньги в ситуации разложения государства и зарождения предпринимательства. Потеря государством монополии насилия вернула страну в «естественное состояние», изгнание Левиафана-государства означало неконтролируемое насилие. Именно в это время людей соблазняют частным бизнесом. Появляются те, с кого есть что взять, и происходит это, в отличие от советского времени, массово и открыто. Формально такие люди могут искать защиту у государства, но ослабевшее государство никого защитить не способно. В тех обстоятельствах маховик вымогательства набирает такие обороты, что становится очевиден обществу и требует обозначения. И тогда повседневный язык обогатился понятием «рэкет».

Принципиально то, что если вымогатели советских времён были за редким исключением из уголовной среды, то рэкет 1990-х годов имеет более широкую социальную базу и знаменуется войной между уголовниками и бандитами неуголовного происхождения за раздел зон влияния.

Никто из «прорабов перестройки» не предполагал такого развития событий. Это было уникальное наложение факторов, каждый из которых имел собственную логику. Вывод войск из Афганистана, развал спортивной системы, моральное и материальное принижение правоохранительных органов, низкая легитимность первых предпринимателей, неадекватность законов, устремлённых в будущее, — всё это и многое другое, по отдельности вполне сообразное проекту реформ, в своей совокупности привело к масштабному рэкету как непреднамеренному следствию осмысленных действий².

Вымогатель-рэкетир не просто собирал дань. Он обеспечивал безопасность фирмы в условиях потенциальной угрозы как результата множественности источников насилия. Бандит одновременно являлся защитником для «своей» фирмы и источником опасности для всех остальных. Продаваемая им услуга имела характер «предложения, от которого нельзя отказаться». Рэкетир — это бандит, продающий своё воздержание от насилия и способный оградить от насилия со стороны других бандитов. Охранный рэкет был наиболее простой формой силового предпринимательства. Охрана могла принимать вид военных действий, но чаще заключалась в конвенциональных договорённостях с другими бандитами о разделении зон влияния.

1992–1995 годы

Конкуренция среди бандитов привела к тому, что они укрупнились, финансово окрепли. Сколоченные на скорую руку банды уступили место организованным преступным группировкам (ОПГ) с воен-

² Очень похожее было и с американской мафией, «золотой век» которой пришелся на введение «сухого закона» в США (1919 г.). Введение закона — это не воинствующий романтизм трезвенников, а законодательное оформление похода белых протестантов против новых иммигрантов, особенно ирландских католиков, которые любили выпить. Эта война тянулась с XIX века и отражала недовольство «коренных» американцев тем, что ирландцы демпингуют рынок труда (про это снят голливудский фильм «Банды Нью-Йорка»). В начале XX века сицилийские мафиози бегут в США, спасаясь от репрессий фашистского режима Муссолини. Десант опытных мафиози пришелся на время введения «сухого закона», провоцирующего подпольный бизнес и его силовое сопровождение, что способствовало расцвету мафии. Как это ни странно звучит, но у истоков американской мафии стояли этнические и религиозные конфликты в США, оформленные в антиалкогольное движение, и фашизм в далёкой Италии.

ной дисциплиной внутри и налаженными контактами вовне, включая связи с госорганами. Пожалуй, только преступность в середине 1990-х годов была организованной, все остальные системы общества соперничали в степени хаоса. ОПГ были способны решать более сложные задачи, чем обеспечивать охрану от наездов «чужих» бандитов.

И такая возможность им представилась ввиду развития бизнеса. Растёт масштаб сделок, множится число контрагентов, усложняются схемы, расширяется география контактов. Как результат растут риски. Но государство катастрофически не успевает за потребностями бизнеса в производстве доверия между контрагентами. Речь идёт о вере в личную порядочность партнёров, а не о действии формальных институтов, обеспечивающих права собственности и соблюдения контрактов. Государство, конечно, что-то пытается сделать в этом направлении. Так, в 1991 г. создаётся Арбитражный суд. Но судиться по поводу хозяйственных споров долго, бессмысленно (судебные решения элементарно не исполняются), чревато нелестным имиджем «сутяги» и, главное, принципиально возможно только для легального бизнеса. Последнее обстоятельство отсекает от защиты со стороны государства добрую половину российского бизнеса, пребывающего в «тени».

Потребность бизнеса в защите прав собственности и соблюдении контрактов начинают удовлетворять бандиты, чьи финансовые и организационные возможности к тому времени становятся избыточными для простой охраны. Так происходит функциональное усложнение отношений бандитов со «своими» фирмами. С них не просто собирают дань в обмен на воздержание от насилия, но и создают для «своих» фирм возможности экономического роста, что включает поиск направлений инвестирования, проверку контрагентов, обеспечение гарантий сделок, выбивание долгов, обналаживание средств и проч. Это была новая форма силового предпринимательства — силовое партнёрство. Бандиты становятся заменителем арбитража, страховых компаний, судебных приставов, милиции. Неэффективность такой замены очевидна, если сравнивать с идеальным правовым государством, но эта система была несопоставимо более эффективной, чем российское государство того времени.

Крупные сделки были невозможны, если не подкреплялись гарантиями силовых предпринимателей. Фирмы, не имеющие силового партнёра, неизбежно обращались к бандитам с просьбами выступить гарантом сделки или решить те или иные проблемы бизнеса. *Силовое посредничество* стало отдельной формой деятельности. В отличие от силового партнёрства, предполагающего постоянные отношения с хозяйствующими субъектами по созданию благоприятных условий их роста, силовое посредничество решало конкретные проблемы бизнеса на нерегулярной основе.

Важно отметить, что простая охрана (и её предельный вариант — рэкет) вполне возможна без какой-либо связи с властью. А вот решение транзакционных проблем бизнеса зачастую требовало налаженных контактов с госструктурами. И это обстоятельство дало решительное преимущество бандитам неуголовного происхождения. Уголовный мир жил по своим законам, среди которых был запрет на сотрудничество с властью. Да и для власти было рискованно связываться с откровенным криминалом. Поэтому связка власть—бандиты создавалась преимущественно на базе банд неуголовного происхождения.

Сделки между фирмами опосредовались поручительством бандитов. Отсюда как элемент бандитской субкультуры — особое отношение к весомости слов («за базар отвечаю»), которые были на вес золота в буквальном смысле. Репутация бандитов тщательно оберегалась, поскольку была главным источником дохода. Но, прежде чем приносить доход, репутация требовала существенных инвестиций в виде решительных и результативных насильственных действий. Бандиты-посредники считали, что получаемая ими плата — цена их морального превосходства над бизнесменами, слово которых не может быть основой сделки. Они сильно огорчились бы, узнав, что это была плата за конкретную работу, функционально замещающую недееспособную государственность.

Основной итог этого периода — функциональное многообразие силового предпринимательства, тремя формами которого стали охрана, партнёрство и посредничество.

Но это функциональное усложнение таило для бандитов опасность. У них появились серьёзные конкуренты в лице частных охранных агентств. Крутая реорганизация КГБ и менее острая реформа МВД привели к значительному оттоку кадров из этих структур. Снижение зарплат, падение престижа, плановые сокращения вынудили вчерашних офицеров искать новое место в жизни. Заметим, это были не вчерашние спортсмены, а профессиональные силовики, имеющие опыт оперативной розыскной и конспиративной деятельности. Не все захотели переквалифицироваться в управдомы. Уволенные из органов офицеры предложили рынку частные силовые услуги, которые приобрели легальный статус после принятия весной 1992 г. Закона РФ о частной детективной и охранной деятельности³. Подчеркнём: закон не породил практику, но придал ей легальный статус.

Вероятно, авторы закона о частных охранных агентствах хотели лишь создать на рынке труда нишу для уволенных силовиков. Но неожиданным следствием этого шага оказалось сокращение организованной преступности. Непреднамеренное следствие приятно удивило.

Дело в том, что частные охранные предприятия и частные службы охраны взяли на себя роль силовых партнёров, прежде исполняемую бандитами. И бизнесу такое партнёрство понравилось больше. Бандиты забирали 10–30% прибыли, а частные охранные предприятия (ЧОПы) работали по контракту с фиксированными ценами за разные виды услуг, имели лицензии, платили налоги, что поднимало их статус как партнёров бизнеса. К тому же в силу старых связей у многих сотрудников ЧОПов был доступ к базам данных, закрытых для бандитов. И хотя методы получения результата часто роднили вчерашних милиционеров с бандитами, бизнесменов это не касалось. В конкуренции цены и качества услуг бандиты отчётливо проигрывали легальным силовым предпринимателям⁴.

Конечно, для криминального бизнеса (наркотики, проституция, азартные игры и проч.) выбора не было, их единственно возможными силовыми партнёрами оставались ОПГ.

С рынка насилия бандитов стали отжимать не репрессии государства и не эффективность государственных служб, а конкуренция частных силовиков, имеющих легальный статус. Что, кстати, привело к тому, что многие ОПГ получали лицензии и начинали действовать в статусе ЧОПов. И это не простая формальность: отныне часть их деятельности была налогооблагаемой, контролируемой, ограниченной рамками закона.

Если в конце 1980-х — начале 1990-х годов борьба за место на рынке насилия велась между бандитами неуголовного происхождения с бандитами-уголовниками, то передел этого рынка начиная с 1993 г. проходил под знаком конкурентного преимущества частных охранных агентств. Функциональное усложнение роли насилия, переход от охраны к силовому партнёрству создали поле деятельности, где бывшие офицеры, имея явное профессиональное преимущество, стали теснить бандитов.

1996–2000 годы

В середине 1990-х годов бандиты начинают активно капитализировать свои доходы, то есть скупать или учреждать предприятия. Конечно, у каждой ОПГ был собственный календарь, и кто-то отставал в

³ Согласно этому закону частные охранные агентства создаются в трёх формах — частные детективные агентства, частные службы безопасности и частные охранные предприятия.

⁴ Не случайно бандитского периода удалось избежать Венгрии, где частные охранные предприятия были легализованы в самом начале рыночной реформы. В середине 1990-х годов в Венгрии один частный охранник приходился на 77 человек, а в России — на 1000 человек (см.: Волков В. 2006. Российское государство и ранний капитализм в сравнительной перспективе. *Русские чтения*. 2. М.: Группа «Эксперт»; 59; см. также: URL:<http://www.inop.ru/reading/volkov/>).

осознании необходимости инвестиций, кто-то опережал события, а кто-то вообще ушёл со сцены, не вписавшись в новый тренд⁵. Но в целом в середине 1990-х годов начинается новый этап силового предпринимательства, а именно активная легализация бандитов, их конвертация в бизнесменов. Стандартным элементом коммерчески настроенных ОПГ стали доверенные бизнесмены, фактически управляющие активами групп. Если прежде предприниматели были источником доходов, то теперь они стали деловыми партнёрами. И партнёрство потушило чувство превосходства бандита над бизнесменом.

Конвертация бандитов в местную бизнес-элиту имела объективные причины. ОПГ накопили достаточные средства, которыми надо было распорядиться с максимальной выгодой. Важно и то, что, обеспечивая экономические трансакции, группировки получили опыт решения предпринимательских проблем, вошли в сети делового мира. Возможно, появился кураж попробовать себя в новом качестве. Но самое главное — это изменения, происходившие в стране. Государство постепенно реанимируется. Идея наведения порядка, возвращения монополии насилия составляет нерв раскола политической элиты. Став президентом, В. Путин прямо озвучивает эту идею как новый проект власти. Правоохранительные органы активизируются, усиливаются репрессии против ОПГ. В этих условиях уход бандитов в легальный бизнес — фактически единственный вариант их будущего. Иначе надо выводить деньги за рубеж и эмигрировать, что также массово практиковалось в те годы. Кто не уехал и не успел осуществить ребрендинг, ведущий к превращению бандита в бизнесмена, плохо кончил.

Но государство восстанавливает свои позиции не только в смысле репрессий. Переболев рыночным романтизмом, власть серьёзно занимается хозяйственным законодательством. Повышается эффективность и престиж арбитража. Верность рыночным идеалам в 1990-е годы проявляется в том, что если предприниматель находит законодательную «дыру» и с выгодой её использует, то власть латает эту «дыру», но самого предпринимателя не трогает, то есть постоянно корректирует законы, тестируя их на практике. (Что в корне отлично от ситуации 2000-х годов, когда пролезшего в законодательную «дыру» предпринимателя показательно репрессируют, поскольку он нарушил «не букву, но дух закона».)

Институциональные усовершенствования и растущая эффективность госорганов приводят к тому, что возникают основы доверия рыночных контрагентов друг к другу. Силловые предприниматели как производители и продавцы доверия, ограниченного масштабом сделки, теряют поле деятельности. Безусловной их вотчиной является криминальный бизнес, который не может рассчитывать на помощь государства. Но в свете растущих репрессий этот путь становится более рискованным.

Таким образом, с одной стороны, бизнес привлекал бандитов возможностью капитализации доходов и ухода от репрессий, с другой стороны, успехи государства в институциональном строительстве сокращали поле деятельности силовых предпринимателей. Не забудем и то, что доля рынка, обслуживаемая бандитами, существенно сократилась по мере роста числа ЧОПов и частных служб безопасности. Рынок насилия становится напряжённо конкурентным, что активизирует поиск других сфер и форм деятельности.

Переход в региональную бизнес-элиту стал типичным завершением карьеры верхушечной части силового предпринимательства. Низовой уровень остался не у дел, пополнив ряды неорганизованной преступности, которая выплеснулась на улицы, на головы простых граждан.

Экономика потянула за собой политику. Защищая свои инвестиции в бизнес, бандиты пошли в политику, что изменило характер бизнеса, политики и преступности одновременно, обогатив их новым функционалом и субкультурным содержанием. Иногда бандиты неплохо шутили по этому поводу. На-

⁵ Например, казанская ОПГ задержалась на стадии охранного вымогательства и, не успев конвертироваться в бизнес, попала под каток репрессий. Примером же успешной игры на опережение стала уралмашевская ОПГ, учредившая 200 компаний и 12 банков и ставшая долевым участником ещё 90 компаний (см.: Волков... 2012: 241).

пример, лидеры уралмашевского организованного преступного сообщества (ОПС) вошли в политику, учредив *общественно-политический союз* «Уралмаш» и сохранив тем самым аббревиатуру ОПС (см.: Волков... 2012: 242)⁶.

2000-е годы

«Нулевые» годы проходят под знамёнами укрепления государственности. «Вертикаль власти», «командные высоты в экономике», «диктатура закона» — ритуальный набор речей политиков и публицистов. При всей сложности и противоречивости этого процесса укрепление государства отрицать невозможно. В разных формах насильственных действий (репрессии, правосудие, налоги) государство существенно потеснило конкурентов в лице частных силовых предпринимателей, что можно трактовать как победу над бандитами — главными конкурентами государства в поле насилия. Бандиты остались символом 1990-х годов, перейдя в «нулевые» лишь как герои фильмов и книг, подёрнутых ностальгическим флёром. На этом можно было бы поставить точку (или восклицательный знак — в зависимости от политической ориентации).

Однако вынуждена огорчить читателя. Бандитов вытеснило не государство как машина обезличенного поддержания формальных норм, а армия представителей государства, приватно распоряжающаяся государственными силовыми ресурсами. Чиновники, офицеры, судьи победили бандитов тем, что сделали административные и силовые ресурсы государства предметом торга. Представители государства не встали на порочный путь нарушения законов, отнюдь, они действуют в строгом соответствии с формальными нормами, но интерпретируют и исполняют их сообразно интересам клиентов. Не безвозмездно, разумеется.

Пожалуй, отчётливое лидерство представителей государства как силовых предпринимателей проявилось в период рейдерских захватов предприятий, пик которых приходится на 1999–2002 годы. В этот период интегрированные бизнес-группы как неформальные субъекты крупного бизнеса стали активно трансформироваться в компании, объединяющие предприятия единой технологической цепочки или одной отрасли. Правовая рамка этого процесса была создана новым Законом о банкротстве (1998 г.), существенно снизившим порог задолженности как основания для начала процедуры банкротства. В тех реалиях практически любое предприятие можно было прибрать к рукам посредством этого закона. Решением арбитража назначался внешний управляющий, менялся состав оперативных руководителей, чьи действия вынуждали собственников продать акции. Упорствующих в нежелании расстаться с собственностью добивали сфабрикованными уголовными делами. Этот типовой для того времени сценарий работал только при поддержке со стороны государственных структур. Бандиты, ЧОПы могли решать отдельные мелкие задачи, но в целом успех дела зависел от покровительства государственных органов. Арбитраж должен был вынести нужное решение, ОМОН — обеспечить физический доступ для новых управленцев, следовательно — открыть дело против несговорчивых собственников, губернатор — дать понять исполнительной вертикали, что происходящее его устраивает, и т. д. Масштабный передел собственности требовал слаженной работы всех подразделений государственной власти, торгующих своими полномочиями в интересах крупного бизнеса.

Возможности действующих офицеров способствовать развитию бизнеса были несопоставимы с возможностями бандитов, что и решило дело. Бандиты были отодвинуты в кордебалет силового предпринимательства логикой рынка. Сначала их потеснили бывшие сотрудники силовых ведомств, уволенные или уволившиеся, которые создали частные охранные агентства и предложили бизнесу набор

⁶ Терминологически правоохранительные органы различают ОПС и ОПГ. Организованное преступное сообщество (ОПС) включает организованную преступную группировку (ОПГ), имеет вложения в бизнес и устойчивые связи с местной исполнительной и законодательной властью.

услуг, оказываемых бандитами, но дешевле и качественнее, причём на легальной контрактной основе. Но «бывшие», хотя и использовали связи с работающими коллегами, всё же существенно проигрывали им в возможностях решать деловые вопросы. И проигрывали тем очевиднее, чем более сильным становился аппарат государственной власти. Бизнес быстро понял, что времена изменились, государство сконцентрировало в своих руках значительные административные и силовые ресурсы. Возможности бывших и работающих офицеров даже сравнивать смешно, что и определило выбор бизнеса. По мере усиления государства растёт привлекательность госструктур как «крыш», соответствующих профилю и масштабу бизнеса. Для одних верх мечтаний — районное отделение милиции, для других — верхние этажи ФСБ.

Само понятие «крыша» описало своеобразный круг. Прежде это слово было элементом профессионального сленга разведчиков и означало формальное прикрытие внедряемого агента. В 1990-е годы бывшие офицеры, пришедшие в частное силовое предпринимательство, обогатили этим понятием язык бандитов. «Крыша» стала означать силовое прикрытие бизнеса частными легальными (ЧОПы) или нелегальными (ОПГ) структурами. Тем самым подчёркивалась польза такого сотрудничества для бизнеса. «Крыши» и государство были принципиально разными сущностями. В 2000-е понятие «крыша» экстраполировалось на неформальное сотрудничество с работниками полиции и госбезопасности, то есть, расширившись содержательно, «крыша» из сленга разведчиков перешла в словоупотребление бандитов, а затем вернулась к разведчикам, приравняв их к бандитам.

На рынке насилия, где сила конвертируется в деньги путём установления контроля над экономическими агентами, бывшие милиционеры, оттеснив бандитов, уступили место действующим сотрудникам государственных органов. Последние не занимаются ничем предосудительным — они реально находят украденное, обеспечивают безопасность, возвращают долги, сопровождают грузы и проч., но делают это не для всех налогоплательщиков, а для частных клиентов, то есть создают правопорядок не как общественное, но как частное благо.

Типичная эволюция силового предпринимательства, начиная с советского периода, выглядит следующим образом: уголовник в наколках, спортсмен с массивной золотой цепью, бывший офицер с лицензией ЧОПа, действующий офицер со служебным удостоверением.

Итак, бандиты, сделав своё дело, ушли в прошлое. Кто-то был репрессирован, кто-то соблазнён высокими государственными должностями, кто-то пополнил ряды бизнес-элиты. При всех кровавых подробностях 1990-х годов бандиты сделали благое дело, обеспечили защиту прав собственности и соблюдение контрактов, что позволило развиваться рынку в 1990-е годы. То были неформальные институты, но других и быть не могло в ситуации фактической потери государственности. Бандиты — порождение слабого государства, нейтрализация его институциональной недееспособности. В 2000-е годы государство реанимируется, бандиты теряют свои позиции в экономике. Но победило бандитов не государство как машина деперсонифицированного поддержания формальных институтов, а его представители, распоряжавшиеся административными и силовыми ресурсами государства в личных целях, что позволило им стать силовыми предпринимателями, превосходящими бандитов в эффективности решения проблем бизнеса. Новые силовые предприниматели, как и прежние бандиты, обеспечивают работу неформальных институтов регулирования экономики. Но если бандиты восполняли вакуум формальных институтов, то их «сменщики» создают институты неформальные, опираясь на мощный аппарат принуждения и разветвлённую сеть законов, вольность интерпретации которых и селективность применения составляют специфику силового ресурса этой группы.

Эпилог

По данным Института общественного проектирования (2007 г.), правоохранные органы по степени коррумпированности уступают только федеральной власти⁷. Это более или менее ожидаемая оценка. Но важно, что из всех групп респондентов самая жёсткая оценка коррумпированности правоохранных органов исходит от бизнес-элиты: каждый второй бизнесмен уверен в коррупции, и именно среди бизнесменов наибольшая доля тех, кто так думает, поэтому оценка и названа жёсткой.

Что это означает в контексте отношений бандитов и государства? Силовым предпринимателем «номер один» стали работники полиции и органов госбезопасности. Силловые государственные структуры, занятые доходным делом «крышевания», по причине ограниченности ресурсов всё менее отвлекаются на создание общественных благ типа безопасности и правопорядка. Показательно, что в начале 2000-х годов наиболее высокая доля подрабатывающих милиционеров была именно в отделах по борьбе с организованной преступностью (в рабочее время — 37%, в свободное время — 59%)⁸.

Бандитам остаются объекты, по какой-то причине неинтересные офицерам, вроде труднодоступных кафе в тундре. Или криминальный бизнес. Последнее безусловно, так как по мере растущих аппетитов и снижения контроля со стороны общества силовые структуры начинают проникать на территорию, традиционно отписанную бандитам. Если «крышевание» проституции милицией было народным знанием, то связь офицеров МВД и прокуратуры с игорным бизнесом в Подмосковье стала фактом новостных хроник.

Что же касается Сагры... Широкое вещание акцентирует внимание на бандитской «крыше», что сблизняет параллелями с 1990-ми годами. Но тогда были другая страна, другая милиция и другие бандиты. Современные коммерчески ориентированные офицеры предпочитают крупный бизнес, оставляя бандитам «неудобицу» типа цыганской наркоторговли в её хлопотном розничном финале.

⁷ См.: Сумма идеологий. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. 2008. М.: Наука.

⁸ Косалс Л. Я. 2005. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации (на примере рынка милицейских услуг). Препринт WP4/2005/02. М.: ГУ ВШЭ; 11.